

УДК 81

А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ЗЕРКАЛЕ ЕГЭ

В статье рассматриваются активные процессы, происходящие на грамматическом уровне современного русского языка, обусловленные демократизацией всех сфер бытия и, как следствие, приводящие к нарушению сложившихся литературных норм. В центре внимания в статье оказались тексты ЕГЭ, которые наиболее полно и объективно отражают языковую ситуацию нашего времени.

Ключевые слова: языковая ситуация, семантика, грамматическая форма, деривация, де-грамматизация.

A. G. Antipov, E. E. Rybnikova

RUSSIAN GRAMMAR IN THE MIRROR OF RUSSIAN STATE EXAM

The article studies the active processes happening on the grammar level of the modern Russian language which is caused by democratization in all spheres of life and, as a result, causing violation of the established spelling norms. In the centre of attention there are texts used in the texts of Russian state exam fully and objectively reflecting the modern language situation.

Keywords: language situation, semantics, grammar form, derivation, de-grammatization.

К единому государственному экзамену и его результатам можно относиться по-разному. Но если оставить в стороне политические дебаты, явно ни к чему не обязывающие любую из оппозиций, очевидным остается одно – следует признать позитивный научный характер этого очередного эксперимента современной

России. Именно экспериментальность ЕГЭ (естественно – в научном, а ни в каком другом смысле) позволяет обозревать его результаты в нейтральной тональности, лишенной ненужного пафоса дискуссионных оценок и сентенций.

Очень показательны в этом плане материалы ЕГЭ по русскому языку: их содержание не только дает определенный срез русской речевой культуры XXI века, но и предоставляет бесценные данные по функционированию системы языка и коммуникативной компетенции русской языковой личности. В этом – коммуникативном – направлении культурно-речевого анализа выпускных работ школьников Кемеровской области мы и попытались сделать некоторые обобщения относительно активных процессов в области русской грамматики.

Школьные сочинения, конечно, всегда привлекали внимание русистов как оригинальный материал исследования динамики норм литературного языка, их речевой вариативности и особой аномальной выразительности. Действительно, какой еще жанр дискурса может сравниться с письменной работой школьника в своей разнообразной палитре непреднамеренно комических уловок языка и стиля. Ср.: *«Горцы в произведениях Лермонтова все гордые, как пернатые орлы», «Хороша русская поговорка – не лезь вперед батьки в пекло!»* и т. п. Однако помимо спонтанных игровых практик работы учеников особенно интересны в аспекте отражения в них изменений, отличающих русский язык наших дней.

1. Изменения лингвокультурных стереотипов

Постмодернизм современных дискурсов, отличающий русский язык конца XX – начала XXI века, не только предопределил крушение норм официального языка новояза (усредненной, клишированной подсистемы языка советской про-

паганды), но и привел к рождению новых речевых стереотипов, на которые ориентируется в своем построении современный молодежный дискурс. И если в додемократической России функции свободной, естественной речи выполняли произведения русской классической литературы, самиздат и разговорная речь, то теперь им на смену пришли новые речевые практики: различные типы медиадискурса, рекламы, интернет-коммуникации, народных форм письменной и устной речи (вроде граффити, жаргонов и сленгов). Эти функциональные зоны современного русского языка влияют на тексты ЕГЭ, и по ним можно проследить некоторые изменения, происходящие в русской лингвокультуре.

Так, известной нормой письменной медиаречи стало совмещение кириллицы и латиницы по образцу рекламных слоганов *«ВлиWИся!»* или *«Тулский PРяник»*. Это приводит к появлению слов-гибридов, мотивированность которых соотносит разные лингвокультурные традиции, например, субкультурных кодов молодежной коммуникации, как в зафиксированном нами случае графогибридизации *«челобрак»*: *«Челобрак – это звучит гордо!»*. Подобные прецедентные высказывания, искажая каноническую русскую модель, довольно ярко иллюстрируют постмодернизм внутренней формы русского словесного знака. Иная ментальность и ее роль в познании мира русскими уже не просто влияют на рождение новых стереотипов культуры, но способны влиять на структуру языка и в подвижных сферах нормы, и в инновационных сферах лексикона, включая правила словопроизводства. Подобные примеры межкультурной коммуникации, разумеется, во многом сложны для экспертной оценки, однако само по себе их включение учащимися в экзаменационные работы свидетельствует о влиянии современных моделей речевого общения на языковое сознание.

2. Аналитизм русской языковой формы

В области русского формообразования и словесной деривации сохраняется продуктивность аналитических конструкций как важнейшая динамическая тенденция функционирования структуры русского языка XX века. К структурно-функциональным проявлениям аналитизма обычно относят:

- рост агглютинативности в семантике и структуре производного слова (устранение многозначности словообразовательных морфем; ослабление чередований на стыке морфем; рост интерфиксации и интерференции (наложения) в морфемной структуре слова);
- потенциальное сокращение кода (уменьшение набора единиц: морфем и их вариантов);
- усиление регулярности словообразовательных типов (возможность образования от основ определенного типа производной единицы, имеющей аффикс со стандартным значением);
- изменение состава и характера парадигм разных частей речи (увеличение парадигм, объединяющих разные части речи);
- изменение характера некоторых словообразовательных оппозиций (преобразование оппозиций, в которых оба члена маркированы, в оппозиции, один из членов которых не маркирован);
- рост экспрессивности словообразовательных средств [4].

Отражение данных процессов в выпускных работах школьников охватывает случаи, типичные для молодежного дискурса, с его особой экспрессивностью и смелой раскрепощенностью. Аналитичность структуры слова становится своеобразной фигурой речевого акта, как в номинации «*Супермегазажигалово*»: каждый из компонентов экспрессивной внутренней формы слова усиливает в пред- и посткорневой части деривата образность мотивирующей семантики глагола «*зажигать*»

в сленговом значении ‘*жечь / зажигать / отжигать на вечеринке*’. Суперморфемный характер словообразовательной структуры подобных производных слов не противоречит структуре русского языка, экспансия подобных полиморфемных структур поддерживает появление аналитических многочленных конструкций, не характерных для структуры русского языка, типа: «*комет чистящий порошок антиржавчина*»; «*комет чистящий порошок лимон*».

На уровне слова эта закономерность ярко проявляется при создании поликорневых композитов неинтерфиксального типа (ср.: советское «*Первомай*» и новообразование «*Миртрудмай*»).

Речевое пространство новообразований ЕГЭ отражает инновационные сферы лексикона в целом. Например, высказывание «*Я уже сейчас работаю баристом*» может получить разную экспертную оценку вследствие низкой степени узуальности новой профессиональной номинации. С одной стороны, узуализация лексемы затрудняется явной словообразовательной омонимией с узуальной номинацией «*бармен*». С другой стороны, системно-нормативный характер потенциального слова и устойчивый характер функционирования в текстах объявлений «*Требуются горничные, официанты, баристы*» приводит к семантической дифференциации моделей словопроизводства и постепенной узуализации заимствованной лексемы в значении: «специалист по приготовлению кофе эспрессо в кофейнях, барах, ресторанах, умеющий на вкус определять вид кофе, соотношение сортов зерен в смеси и даже место произрастания зерен». Освоению потенциального слова способствует и появление синонимических дериватов: *кофейщик, эспрессист, бармен-барист*. Ср. текст объявления: «*Вакансия бармен-бариста! Обслуживание посетителей: прием заказа, приготовление кофе на кофе-машине, приготовление без алкогольных напитков, соков и десертов,*

подача клиентам заказа, расчет гостей, поддержание порядка на рабочем месте!».

Из неканонической орфографии этого контекста обращает на себя внимание вариант аналитического функционирования приставки *без-* – случай, типичный в ЕГЭ при написании иноязычных префиксов радиоксидного типа: «*супер автор*», «*супер роман*», «*книга супер*», «*мега супер ребенок пианист*» и др.

3. Жаргонизация языкового сознания

Демократизация русского языка конца XX века, приведшая к изменению продуктивности ряда словообразовательных моделей, повлияла на рост индивидуального словопроизводства, а также предопределила усиление роли оценочных и количественных значений и перемещение в центральные сферы коммуникации явлений периферийных (сниженной разговорной лексики, просторечных форм, уголовного и молодежного жаргонов) [1]. Ср., например, экспрессивное «на грани фола» формообразование глагола «ксерокопировать» в молодежном дискурсе: «*ксерить*», «*отксерить*», «*ксерануть*», «*отксерачить*».

В современных текстах ЕГЭ жаргонизация связана в основном с функционированием так называемого «олбанского языка», нормы которого влияют на русское формообразование типа «*превед*», «*блондинко*», «*девушко*».

4. Потенциальное и окказиональное словообразование

С динамическими процессами в русском словообразовании начала XXI века, обусловленными развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, обычно связывают:

- ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц;
- расширение сферы употребления разговорно-сниженных языковых элементов и жаргонизацию современного русского языка;

- расцвет языковой игры;
- резкое увеличение потока английских заимствований [3].

Этого рода изменения в системе и норме, характерные для всех современных славянских языков, приводят к росту потенциальной деривации.

Данный класс производной лексики, построенной по высокопродуктивным деривационным моделям, требует самой осторожной экспертной оценки по шкале системно-нормативных или системно-ненормативных образований. От явных грамматических ошибок в сфере словообразования типа «*антисемист*» (*антисемит*), «*публицистиска*» (*публицистка*), «*оптимичные*» (*оптимистичные*), «*богатойсть*» (*богатство*), «*читание*» (*чтение*) следует отличать системно-нормативные и системно-ненормативные потенциальные дериваты.

1. Системно-нормативные потенциальности обычно проходят основные этапы узуализации, пополняя инновационные сферы лексикона, т. е. становятся узуальными (реальными) словами (при условии выполнения ими номинативной функции): «*барист*».

2. Системно-ненормативные потенциальные дериваты, образованные чаще всего по активным моделям, дублируют уже имеющиеся в языке наименования: «*целеустремление*» (*целеустремленность*), «*упрямственность*» (*упрямство*), «*парадер*» (*парадист*).

В текстах ЕГЭ такие дериваты часто заполняют лексические лакуны номинативной системы русского языка, поэтому не могут не передавать творческий характер автора выпускной работы. Ср.: «*прифантазировать*», «*оборонительность*», «*беспризорничество*», «*разнотематический*», «*прозаичка*», «*комплиментарный*», «*сверхлюбимый*» и др.

Как и нарушение грамматической нормы, потенциальное словообразование –

это всегда некоторая тенденция, не всегда отражающая лингвистическую некомпетентность сознания. Более того, нарушения системных норм обусловлены моделью функционирования правил деривации. Так, в проведенном выше примере «публицистика» отражается типологический для структуры современных индоевропейских языков процесс аффиксальной редупликации (нанизывания аффиксов), являющийся базовым при формировании новых более выразительных деривационных суперформантов. В тексте такие форманты выполняют важные стилистические функции прагматической оценки ситуации, как это и видно в оценочном контексте ЕГЭ: «Какая-то там публицистика!»

Примеры, подобные «антисемист», связаны с ремотивацией заимствованной лексемы, а образования типа «парадер» объясняются конкуренцией словообразовательных моделей, обусловленной активностью иноязычного аффикса в производстве новообразований по модели *геймер, лузер*.

Рождение новых номинаций отражают и процессы деривационной игры, очевидные при создании окказионализмов. По нашим данным, в работах выпускников продуктивны все ведущие модели русской деривации окказиональных слов, произведенных с нарушением законов системной или эмпирической продуктивности словообразовательных типов.

В нашем материале зафиксирован удивительный по своему значению для русской

лингвокультуры окказионализм «фашистская зверепость» (*звери, свирепость*), представляющий собой пример контаминации по конкретному образцу простого и производного слов. В структуре и семантике данной лексемы запечатлен образ целой эпохи, переданы те истинные ценности, по которым можно судить о преемственности поколений и сохранности чувств русской культуры, выстраданных в истории государства и судьбе каждого человека. Ср., например, образность песен военных лет: «От фашистской черной своры отстоим мы край родной», «И фашистской кровожадной своре не собрать вовек своих костей», «Прочь с пути, орда немецкая! Прочь с пути, разбойничья орда!», «На наш народ трудовой и веселый напала черных злодеев орда», «Вперед, друзья, смелее в бой, фашистской банде смерть несем», «С бандой фашистской сразиться Родина смелых зовет» и др.

Подобные примеры ЕГЭ убеждают в одном: какие бы потрясения ни охватывали русского человека, его язык всегда был и будет тем маяком в жизни, который направляет, помогая обрести себя. И поскольку, если воспользоваться метафорой М. В. Панова, русский язык сегодня «уже не озеро, не море, а океан», именно «сохранение языковых ценностей» как «важнейший результат истории русского литературного языка» не позволит социальным бурям его разрушить [2, с. 16, 17, 21].

Литература

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. – М., 1996.
2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – М., 1990.
3. Петрухина Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М., 2010.
4. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М., 1968.